

Рассе. прѣвѣда, -1987.-28.днѣ.р.4.

Слова, вынесенные в название этих заметок, взяты из наиболее спорного сочинения Валентина Петровича Катаева «Алмазный мой венец...».

«...в этом сочинении я не ругаюсь за детали. Умоляю читателей не воспринимать мою работу как мемуары... Магический кристалл памяти более подходит для того жанра, который я выбрал, даже — могу сказать — изобрел. Не роман, не рассказ, не повесть, не поэма, не воспоминания, не мемуары, не лирический дневник... Но что же? Не знаю!» — писал он в «Алмазном венце...».

Да, это была открыто полемическая книга. В ней он утверждал свой собственный стиль. По его выражению, освободившись «от детской болезни флюберизма», предлагал вниманию читателей то, что считал «новой формой», наполненной новым, «ассоциативным» содержанием. Правда, на одной из страниц книги сам автор задавался вопросом: «Не изобретает ли он велосипеды?»

Конечно же, велосипедов Валентин Петрович Катаев не изобретал, а, как и всякий подлинный художник, нес в мир свое, единственное. Хотя нельзя не заметить, что основные его теоретические послышки имели первоисточники. Всякая настоящая литература от Гомера до наших дней ассоциативна, ибо это первооснова самого явления литературы. И еще Лев Толстой говорил, что у выходящих из ряда произведений обычно трудно определить жанр. А если обратиться к истокам творчества самого Катаева и вспомнить его учителя Ивана Алексеевича Бунина, то невольно всплывет бунинский рассказ «Книга», где похожие идеи сформулированы с предельной четкостью: «А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены! И вечная мука — вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове!»

Как бы ни отрицал поздний Валентин Катаев «флюберизм», а от большой культуры письма, которой он обладал, ему куда было деться. Фраза позднего Катаева не «вылизанная», она достаточно шероховатая, свободная, проста, причудлива, благородна и монументальна, как старинные парковые решетки чугуна и литья.

Впрочем, об этой стороне дела не спорили — словесно-образительное мастерство писателя известно еще со времен замечательной повести «Белеет парус одинокий».

Спорили, и очень жаростно, не о форме, которую автор так ценил и лелеял, а о содержании. Все помнят, что в книге более чем прозрачно выведены известные советские поэты и прозаики, «малые гении», как называет их автор. Изображены отдельные черты их характеров, личная жизнь, пристрастия, страсти, порой дается оценка их работе. Иногда это делается с откровенным полемическим запалом. Вокруг книги разгорелись нешуточные литературные страсти. И как-то забыли впоныхах, что и каждый мастер имеет моральное право сказать то, что он думает по поводу другого мастера, — это его личное мнение, а не приговор народного суда. Из истории

литературы мы знаем, что Лев Толстой «возражал» против Уильяма Шекспира, Иван Бунин против Алексея Толстого и Марины Цветаевой. Однако ни на Шекспире, ни на «третьем» Толстом, ни на Цветаевой эти негативные оценки никак не отразились.

В пылу полемики никто даже не обратил внимания на композицию «Алмазного венца...» А ведь как она оригинальна и вместе с тем классична. Хотя автор и заявлял неоднократно, что он избрал хаос, но хаос ведь тоже форма, тем более хаос, написанный рукою такого выдающегося мастера. Хаос Валентина Катаева хорошо организован и изящно обрамлен легендой о парижском скульпторе, о его поисках вечной Славы и

ли плечами — по их мнению, писатель начал писать не так, как должно.

Зрелую жизнь Валентин Петрович Катаев начал на фронтах первой мировой войны в 1915 году. А за год до этого уже была первая встреча с Иваном Алексеевичем Буниным, были кипы стихов: «Бунин учил меня видеть, слышать, нюхать, осязать, учил ритму прозы». Уже к концу двадцатых годов Валентин Катаев завоевал положение одного из ведущих советских писателей. Представленная в 1928 году в МХАТе пьеса «Растратчики» была одной из трех пьес, которыми этот прославленный театр положил начало новому репертуару; в том же году в этом же знаменитом театре

«ВЕЧНАЯ СЛАВА И ВЕЧНАЯ ВЕСНА...»

Сегодня Валентину Петровичу Катаеву исполнилось бы 90 лет

вечной Весны. Что касается музыкальной организации книги, то и тут она вполне укладывается в классическую форму рсндо — с многократным возвращением главной темы, чередующейся с другими темами-эпизодами, с хоровой основой в своих истоках.

Наверное, имело смысл столь подробно остановиться на «Алмазном венце...» потому, что в нем спрессовано многое: и поиски формы, и «поиски утраченного времени», и воспоминания молодости, и неискоренимые в человеческом сердце надежды на вечную Весну, и заблуждения, и печаль многознания, и размышления о сути творчества.

Валентин Петрович Катаев мог бы сказать о своей прозе этого ряда словами Марселя Пруста: «Ни разу ни один из моих персонажей не закрывает окна, не моет рук, не натягивает пальто, не произносит при знакомстве традиционной формулы». Одним только фактом своего существования он уже противостоял так называемой «литературе первичных эмоций», которая, к сожалению, давно и прочно заполонила книжный рынок.

Наше время учит не обходить острые углы, не замазывать узкие места. Да и мастера такого масштаба, как Валентин Катаев, не нуждаются в каком бы то ни было замазывании. Даже их противоречивость — залог высокой художественности и подлинной ценности.

При жизни писателя часто можно было услышать разговоры о том, что есть, мол, два Катаевых — прошлый и нынешний. Автора повести «Белеет парус одинокий» старались отделить от автора «Травы забвения», «Святого колдунца», «Волшебного рога Оберона». А потом неожиданно для многих возник еще и якобы третий Катаев — автор повестей «Алмазный мой венец...», «Уже написан Вертер». Таким образом, создавалась цепочка литературной судьбы из трех звеньев: сначала его приветствовали, потом им восхищались, затем мнения резко разошлись: одни продолжали восхищаться, а другие раздраженно пожима-

была поставлена катаевская «Квадратура круга», успешно идущая в театре и сегодня. Может быть, пьесы Катаева и не самая сильная сторона его творчества, но они живы, их ставят на огромном протяжении от Владивостока и до Парижа.

Свою особую роль сыграл Валентин Петрович Катаев в развитии нашей детской и юношеской литературы. Здесь было все — от создания рассказов, повестей, сказок и до создания журнала «Юность».

Это был крупный человек, крупный художник. Он прожил долгую жизнь и получил признание не только в нашей стране. Его книги изданы на десятках иностранных языков. Мало кто знает, что Валентин Петрович Катаев, ко всем своим регалиям и титулам, был еще почетным членом прославленной Академии Гонкуров.

Нынешняя весна будет первой весной писательского поселка Переделкино без Катаева. Непостижимо, но и на все семьдесят девятом году жизни его отличали творческая энергия, молодой ясный ум, стопроцентное чувство юмора, тяга к работе и к жизни. Он писал острым, крупным почерком с крепко сцепленными между собой буквами, с сильным наклоном строки вниз — работа доставляла ему большую радость.

С тех пор, как его нет, прошло совсем немного времени, но уже сейчас ясно: Валентин Петрович Катаев из тех мастеров, которые оставляют свой след на долгие годы.

Сказать свое слово в литературе Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова не только почетно, но и... почти невозможно.

А он сказал.

Сказал потому, что ему был дан большой полновесный талант, и потому, что никогда не было трех Катаевых, а всегда был один. Просто он прожил очень большую жизнь и сумел разобраться в ней как по форме, так и по содержанию.

Вадлав МИХАЛЬСКИЙ.